

Малый мир Холодного Утёса представлял собой карманное измерение — пространство с горчичное зёрнышко. В своё время старейшины Цюншань откуда-то перенесли сюда половину древнего тайного края, прихватив заодно духовных зверей и редкие сокровища. Всё это разместили на задней стороне горы, чтобы ученикам было удобно отрабатывать боевые навыки.

Хотя это место и предназначалось для тренировок, главный герой только недавно вступил в орден и к тому же был изранен. Не имея под рукой ни лекарств, ни снадобий, да ещё и считая себя брошенным, он, должно быть, пребывал в совершенно отчаянном положении.

Изначально Лу Гуйсюэ повелел наказать его лишь на три дня.

Однако в тот же день Лу Гуйсюэ пришлось сопровождать Бессмертного достопочтенного Юньлани в Северную Пустошь, чтобы утихомирить бесчинствовавшего там красного дракона.

В самом деле ничего сложного не намечалось: хотя род драконов и славился могуществом, против Бессмертного достопочтенного Юньлани у зверя не оставалось ни единого шанса.

Этому красному дракону едва исполнилась сотня лет — по меркам своего племени он считался сопловым детёнышем.

Дракон явно не понимал, что затаскивать в пасть всё подряд опасно. Скитаясь по Северной Пустоши, он сдуру заглотил целиком нескольких демонических тварей, из-за чего пропитался тёмной скверной.

Драконы от природы обладали устойчивостью к демонической цы, так что самому зверю эта малая доля вреда не причинила. Зато она жестоко подставила Лу Гуйсюэ.

В процессе усмирения дракона Лу Гуйсюэ по неосторожности подставился под тёмные флюиды.

На беду, бессовестный отец Лу Гуйсюэ, которого тот никогда в глаза не видел, принадлежал к роду цзяоиней. В своё время этот проходимец с помощью чарующей наружности затуманил разум юной девушке, а затем лишь вильнул хвостом и уплыл обратно в океанские глубины, не подавая больше о себе вестей.

Цзяоини прекрасны ликом, обладают завораживающими голосами, обитают на самом дне моря, а их слёзы превращаются в жемчуг, пока сами они ткут драгоценный шёлк. В древности цзяоини вступали в браки с демонами, поэтому четверть демонической крови, текущая в их жилах, заставила заклинателей последующих эпох причислить их к нечисти.

Поэтому, если рассуждать строго, в жилах Лу Гуйсюэ тоже текла малая толика демонической крови.

Прежде её подавляла духовная сущность его тела, удерживая в глубоком сне. Однако теперь под воздействием демонической цы красного дракона эта кровь вспыхнула подобно искре, попавшей в сухую солому.

Словно искра упала в поленницу: пробудившаяся демоническая кровь Лу Гуйсюэ вырвалась наружу, и высвободившаяся тёмная энергия вступила в жестокую схватку с духовной силой, которую он возвращал долгие десятилетия.

Если оставить всё как есть, столкновение двух противоположных сил не просто лишит его духовного развития, но и окончательно подорвёт здоровье.

Увидев это, Бессмертный достопочтенный Юньлань немедленно доставил Лу Гуйсюэ в орден Цюншань, закрыл доступ к Пику Нефритового Великолепия для остальных и, едва стабилизировав состояние ученика, принялся готовить всё необходимое для закалки крови, желая полностью выжечь из его тела наследие цзяоиней.

По первоначальному сюжету из-за всей этой суматохи Лу Гуйсюэ напрочь забыл о главном герое.

Закалка крови требовала сорока девяти дней. На нефритовом же жетоне юноши стоял запрет Лу Гуйсюэ, и без его личного дозволения тот физически не мог покинуть Малый мир Холодного Утёса.

В итоге израненный герой оказался обречён почти два месяца выживать в дикой местности, превратившись в зрелище, способное вызвать слезы у любого слушателя.

Лу Гуйсюэ тяжело перевёл дух. Если бы он не сделал этого вдоха, то, казалось, просто задохнулся бы от накатившей тяжести.

— Сяо Сюэ, не бойся.

Полагая, что ученик трепещет перед предстоящим ритуалом, Бессмертный достопочтенный Юньлань склонился к нему и мягко, но с глубокой серьёзностью коснулся исчерченной кровавыми ссадинами ладони. Голос его прозвучал ласково и вместе с тем торжественно:

— Закалка крови может оказаться крайне болезненной, но ты должен вытерпеть. Я буду рядом от начала и до конца, хорошо?

Бессмертный достопочтенный Юньлань был облачён в серебристые одеяния заклинателя, а его чисто-белые волосы ниспадали подобно лунному свету. На его мантии вышивка изображала золотокрылую птицу Цюн — символ ордена Цюншань, исполненный с таким мастерством, будто птица готова была сорваться в полёт в любое мгновение.

Человек, увидевший его впервые, неизбежно почувствовал бы трепет пред небесным ликом.

В прошлой жизни Бессмертный достойный Юньлань израсходовал колоссальный объём духовной силы и неисчислимое количество редких снадобий, чтобы полностью растворить кровь цзяоиня в теле Лу Гуйсюэ и подарить ему новое, здоровое тело.

Однако, переродившись, Лу Гуйсюэ совершенно не намеревался проходить через закалку крови. И причин тому имелось несколько.

С одной стороны, тёмная энергия цзяоиней куда мягче прочей демонической цы. Когда у главного героя случится всплеск демонической сущности, именно физиология цзяоиня поможет подавить буйство тёмных сил и быстрее вернуть его в чувство. Это предотвратит трагедию, произошедшую в оригинальном сюжете, когда герой во время испытания тяжело ранил учеников Цюншань, создав кучу проблем.

К тому же принадлежность цзяоиней и главного героя к расе демонов облегчит Лу Гуйсюэ заботу о его душевном состоянии и удержит от окончательного падения во тьму.

С другой стороны, Лу Гуйсюэ прекрасно помнил: его учитель, Бессмертный достойный Юньлань, уже достиг пика стадии Великого Перехода и вскоре, отправившись странствовать, должен был столкнуться с небесной грозой Девяти Небес.

В прошлой жизни учитель отдал слишком много сил на очищение его тела, а во время преодоления испытания столкнулся с непредвиденными осложнениями. Это привело к скрытым ранам, из-за которых он так и не смог совершить божественное перерождение.

Лу Гуйсюэ не мог допустить повторения той трагедии.

Вернувшись из раздумий к реальности, он поставил перед собой первостепенную задачу: удержать учителя от закалки крови. А затем — сразу же отправиться в Малый мир Холодного Утёса, пока герой пробыл там всего три дня, и вызволить его в положенный срок.

Внутри тела разрасталась тупая боль.

Лу Гуйсюэ стиснул зубы. Перед погружением в купель он успел принять Пиллюлю Закаливания Крови, и теперь снадобье медленно растворялось в его жилах.

— Нельзя, — Бессмертный достойный Юньлань качнул головой. Его золотистые глаза оставались невозмутимы и полны непреклонной решимости. — Сяо Сюэ, только не в этот раз.

Лу Гуйсюэ не ожидал от учителя столь категоричного отказа. Прежде Юньлань всегда души в нём не чаял и практически никогда не шёл наперекор его желаниям, опекая словно родного сына.

— Учитель... — попытался было возразить Лу Гуйсюэ, но Юньлань снова сжал его ладонь.

Только если прежде он держал его осторожно, то теперь крепко обхватил запястье.

— Я постараюсь закончить как можно быстрее. Будь послушным, Сяо Сюэ.

Движения учителя оставались мягкими, но Лу Гуйсюэ чувствовал, что вырваться невозможно — с каждой попыткой хватка на запястье становилась только ощутимее.

Боль в теле нарастала, а пряди волос у висков вымокли от холодного пота.

Понимая, что сейчас его главная цель — остановить ритуал, Лу Гуйсюэ решил больше не терпеть.

С трудом вытянув другую руку, он вцепился в полы серебристого одеяния Юньланя и прерывисто прошептал:

— Учитель, больно... Молю вас, остановитесь...

Если сказать прямо, что он не хочет тратить духовные силы наставника, тот ни за что не послушает. Проще прикинуться неспособным вынести боль — тогда у учителя может дрогнуть сердце.

Юньлань поддержал работу магического круга. Белоснежная ткань его рукава окрасилась свежей кровью с ладони ученика. В золотых глазах вспыхнула глубокая жалость, но, собрав волю, он всё же качнул головой:

— Нельзя, Сяо Сюэ, это ради твоего же блага. Терпи, всё скоро закончится.

Лу Гуйсюэ едва не зарыдал от бессилия. Учитель уговаривал его так умело, будто забыл: полный цикл закалки крови занимает ровно сорок девять дней!

Видя, что наставник непреклонен, а боль уже перехватывает дыхание, Лу Гуйсюэ решил пойти на крайность.

Он поднял взор на Юньланя, медленно разжал пальцы, выпуская ткань его одеяния, и, шатаясь, сделал несколько шагов назад. Взгляд его помутнел.

У Юньланя сжалось сердце, словно его сдавили невидимые тиски.

Ослабевшее тело Лу Гуйсюэ качнулось, и он с силой повалился прямо на каменный край

купели.

У Юньланя перехватило дыхание. Забыв о величии и степенности, он выкрикнул:

— Сяо Сюэ!

Лу Гуйсюэ действительно вознамерился расшибить себе лоб до потери сознания: если ученик лишится чувств, наставнику волей-неволей придётся прервать ритуал.

Метод топорный, но верный.

Однако Юньлань сработал быстрее — метнувшись вперёд, он подхватил ученика в воздухе.

В то же мгновение магический круг очищения остановился и угас.

Боль хлынула назад и улеглась, подобно отливу.

Вымокший до нитки Лу Гуйсюэ опустил взгляд на испорченную купель, наполненную драгоценными эликсирами, не смея поднять глаз на золотые очи наставника. Лишь спустя долгое мгновение он пробормотал с закрытыми глазами:

— Учитель, простите. Ваш ученик проявил малодушие и потратил впустую ваши труды.

Говоря откровенно, со стороны это выглядело крайне малодушно. Интересно, не разочаровался ли в нём учитель?

Ведь в прошлой жизни, проходя через закалку крови, Лу Гуйсюэ не издал ни единого стога.

Бессмертный достопочтенный Юньлань тихо вздохнул.

Лу Гуйсюэ нервно сжал рукава.

— Ничего страшного, — Юньлань коснулся ладонью его головы. Влажные волосы ощущались холодом под пальцами. Голос наставника звучал совсем тихо: — Не хочешь закалять кровь — не надо. Ты мой ученик, и кем бы ты ни стал, я уберегу тебя от любых бед.

У Лу Гуйсюэ щипало в глазах.

— Учитель, — вновь тихо позвал он.

Юньлань мягко отозвался, а затем его пальцы скользнули с макушки ученика ниже, по шее, задерживаясь на коже у ключицы.

Лу Гуйсюэ ощутил там жгучее тепло: силы внутри его тела начали сжиматься, стекаясь к одной точке.

На бледной, почти не знавшей солнца коже проступила золотистая метка в форме пера.

— Демоническую цы я запечатал здесь. Под одеждой её не разглядеть, — Юньлань опустил золотые очи. — Остальное я улажу сам. Не тревожься.

После того как демоническая цы в теле Лу Гуйсюэ оказалась запечатана, его демоническая кровь и духовная энергия продолжили медленно истощать друг друга, но открытое противостояние прекратилось. По крайней мере внешне на его теле больше не появлялось ран.

Впрочем, это взаимное уничтожение сил не остановится и со временем превратит его в обычного смертного.

Юньлань перенёс ученика на Пик Вечных Осеней, дал ему несколько духовных пилюль и, убедившись, что состояние Лу Гуйсюэ стабильно, временно удалился по делам.

Пик Вечных Осеней являлся личной обителью Лу Гуйсюэ.

Едва учитель ушёл, Лу Гуйсюэ переоделся и поспешил к Малому миру Холодного Утёса.

Пока духовные силы не окончательно растрочены, следовало как можно скорее вызволить оттуда Шэнь Лоуханя.

Малый мир Холодного Утёса полностью оправдывал своё название: высоко расположенный, он встречал гостей суровым климатом, ледяными ветрами, проливными дождями и опасными тварями. Впрочем, монстров туда отбирали строго, ограничивая их силу, чтобы они не могли причинить ученикам смертельного вреда.

Однако главный герой оставался главным героем. По оригинальному сюжету, оказавшись заточенным в этом месте, Шэнь Лоухань столкнулся с крайне дисциплинированной зверюгой: тот не просто додумался медитировать внутри секретного края, но и умудрился пробиться на стадию Золотого Ядра — уровень, которому вовсе не место в учебном пространстве.

Настоящий отличник среди духовных тварей, чьи успехи заставили бы покраснеть многих учеников.

И надо же было Шэнь Лоуханю наткнуться на этого новоиспечённого обладателя Золотого Ядра! Вместе с группой ребяташек, едва достигших стадии Становления Основания, он оказался заперт в логове монстра без малейшей надежды на помощь.

Оставалось надеяться, что Шэнь Лоухань ещё не поддался демонизации... Иначе если у него проснется демон разума, проблем не оберёшься.

Хотя по сюжету их в конечном счёте спасли, сама история вышла настолько плачевной, что переживать её заново явно не стоило.

Ступив в Малый мир Холодного Утёса, Лу Гуйсюэ призвал Систему в своём сознании.

Его духовная сила улетучивалась, и он больше не мог распахнуть восприятие, чтобы найти человека самостоятельно.

— Иду, иду! Ну зачем тревожить меня по таким пустякам? Перезапущенный мир требует кучи вычислений, я тут едва успеваю латать дыры... Мать честная, да что с твоим телом?! — преждевременно ворчливый голос Системы вдруг осёкся.

Давным-давно Система заявила, что является лишь воплощением части воли Небесного Дао этого мира, а роль помощника Лу Гуйсюэ для неё — не более чем подработка.

Лу Гуйсюэ привык к её замашкам: главное, что в нужные моменты она откликалась быстро.

— С телом всё в порядке, я сам отказался от закалки крови, — Лу Гуйсюэ поторопил её: — Быстрее скажи, где Шэнь Лоухань.

Система ненадолго затихла, будто сканируя пространство, а затем отозвалась:

— Рядом с логовом того самого зверя на стадии Золотого Ядра. Помнишь, где это?

— Помню, — Лу Гуйсюэ восстановил в памяти направление и устремился к цели.

Малый мир Холодного Утёса

Этой ночью над Малым миром Холодного Утёса бушевала буря.

Дождь хлынул стеной; подхваченный ледяным ветром, он хлестал по телу, точно лезвия.

Ученики, прибывшие сюда на практику, и помыслить не могли, что столкнутся с чудовищем стадии Золотого Ядра. Они даже стали свидетелями самого процесса формирования его ядра.

— Хнык-хнык... Простите, я не должен был бежать сюда, увидав золотое свечение... — двое младших учеников уже не могли сдержать слёз. Они забились в узкую расщелину внутри пещеры, а снаружи под лунным светом вырисовывался огромный, жуткий силуэт зверя.

— Молчать, — выдохнул юноша с черными, как ночь, глазами и точёными чертами лица. Рукав его чёрного одеяния был изорван, обнажая руку с десятком незаживших рубцов.

Из-за сырости и холода раны, оставшиеся без врачевания, воспалились ещё сильнее.

Дисциплинарная линейка ордена Цюншань ковалась из метеоритного нефрита: каков бы ни был твой уровень сил, сфокусировать духовную цы для защиты тела под её ударами невозможно.

Юноша затаил дыхание, высчитывая перемещения чудовища снаружи.

Зверь повеёл носом — судя по всему, учуял запах свежего мяса — и повернул тушу к расщелине.

Огромная лапа с когтями просунулась в проём и мгновенно сгребла ученика, не успевшего отпрыгнуть. Острый кошмарище пробил его руку насквозь.

— А-а-а! На помощь! Спасите! — несчастный забился в истерике, но вырваться не мог.

Тварь шевельнула лапой, вознамерившись насадить всех находящихся внутри юнцов на когти, точно мясо на шампур, и вытащить наружу.

Шэнь Лоухань сжал рукоять меча — самого обычного клинка, который любой ученик мог получить в Зале Боевых Искусств.

От одного удара по такой шкуре оружие скорее переломится, чем причинит зверю вред.

Внезапно в памяти Шэнь Лоуханя всплыл образ совершенно иного клинка: чистый и белый, как снег, лёгкий, будто лебяжье перо, с ножнами, украшенными серебряным оперением, напоминающим готовую взлететь птицу.

Бессмертный меч Вспугнутого Лебедя — личное оружие его учителя, Лу Гуйсюэ.

Если бы учитель был здесь... Шэнь Лоухань опустил взгляд и горько усмехнулся. Совсем

недавно он разозлил наставника, получил двадцать ударов линейкой и был сослан сюда на перевоспитание.

Речь шла о трёх днях, однако срок прошёл, а учитель так и не изволил выпустить его.

Учитель не придёт. Должно быть, он окончательно разочаровался в своём ученике.

Шэнь Лоухань стиснул зубы. Но он хотел жить! Он не мог сгинуть здесь, в пасти дикого зверя!

Пальцы дёрнулись, и простой железный клинок со свистом покинул ножны, устремляясь к когтям чудовища!

Дзинь——

Чистый, чистый звон меча прорезал шум бури. Перед глазами Шэнь Лоуханя вспыхнул белоснежный свет, и неуязвимая лапа чудовища с глухим стуком отвалилась, отсечённая ровно по суставу. Удар был настолько стремительным, что никто не успел разглядеть движения.

Раздался оглушительный рёв боли, который быстро сменился хриплым предсмертным стоном.

Снаружи сквозь щели пробился белый свет, оседая искрящейся пылью, подобной свежему снегу. Сердце Шэнь Лоуханя забилося в бешеном ритме — он узнал этот свет. Меч Вспугнутого Лебедя!

Ученик, чью руку только что пробил кошмарный кошмар, плакал и смеялся одновременно:

— Это старейшина Лу! Старейшина Лу пришёл спасти нас!

Учитель...

Шэнь Лоухань устремил взгляд сквозь кружащуюся снежную пыль. Лу Гуйсюэ стоял там в белоснежных одеждах, а с лезвия его меча стекала кровь твари. Он казался холодным ликом луны над заснеженными пиками.

Шэнь Лоухань застыл. Радость и обида одновременно подступили к горлу, выливаясь в жгучие слёзы.

"Чего ты плачешь? Он просто обманул тебя. С самого начала ему нужна была лишь твоя жизнь."

Ледяной, мрачный голос прогремел прямо в голове Шэнь Лоуханя. Прежде чем он успел

осмыслить услышанное, в его разум хлынул колоссальный, хаотичный поток чужих воспоминаний, отчего перед глазами всё поплыло.

Когда к нему вернулось зрение, взгляд юноши медленно остыл, а в глубине его зрачков вспыхнула тёмная, алая кровь.

<http://bllate.org/book/20383/2105741>